

В детстве я всегда думал, что быть героем - это круто, верно? Рискуя своей жизнью, спасать людей, признание и доступ ко всему, черт возьми, я хотел пройти через толпу одержимых фанатов. Я согласился бы даже быть кем-то вроде злого ученого, и взял бы на себя позор, страх моего имени и другие интересные вещи, связанные с этим. За вычетом неприличного поражения от рук наивного добродушного клоуна. Я думал, что это будет круто, у меня были фантазии о том, как спасти мир или уничтожить его, в зависимости от моего настроения, но это никогда не было серьезным. У меня была привычка струсить, когда я сталкивался с каким-то хоть немного серьезным выбором.

Помните, что если настанет время, когда вам придется делать выбор между правильным и легким, вспомните, что случилось с мальчиком, который всегда был хорошим, добрым и храбрым...

Конечно, я был просто в ахуе, когда читал эту серию, но история не имеет к этому никакого отношения, только слова. Я шел, по своим делам в суете большого города. Думаю, я собирался продлить свои водительские права, но, возможно, я хотел оплатить налоги, в любом случае это не имело значения. Я был занят своей обычной рутинной, когда увидел, как какой-то гопник сбил ребенка с ног, эта ситуация была по большей части скрыта от глаз прохожих, кроме тех, кто находился прямо перед переулком. Это казалось ужасным клише, но я остановился, и эти слова пронесли в моей голове.

Мой сотовый телефон был у меня в руке, но я понял, что полицейские придут слишком поздно. Я мог бы позвонить им в любом случае, преступление было их проблемой, а не моей, но я знал, что это был бы простой выход. Я сфотографировал грабителя и вошел в переулок. Я не был храбрым или глупым. Грабитель был не на уровне ученика старшей школы, а ребенок был в лучшем случае из средней, так что это было не более чем прекращение школьной драки. Маленькие старушки-учителя могли это сделать, так что я, взрослый мужчина, мог бы остановить это без особых проблем, верно?

Поскольку мне казалось, что я уже действую как в как-то клише, я решил что останавливаться уже поздно. - Знаешь, малыш, тебе действительно стоит выбрать кого-то своего роста.

- Держись подальше от этого старика!

Это было немного обидно. Ради бога, мне еще не было и тридцати! Я схватил запястье подростка. - Отпусти мелкого, - приказал я.

Подросток выпустил парня, который бежал, словно адские псы бежали вслед за ним.

Я отпустил гопника и собирался уйти, когда услышал позади себя характерный щелчок пистолетного затвора. Почти сразу я услышал хлопок и почувствовал резкую боль в задней части черепа, которая пронеслась по всей моей голове.

Мои мысли были примерно такими: - эм, серьезно? Ублюдок.. - Ситуация уже закончилась, и меня пристрелили.

(-_-)

Я ожидал, что проснусь в одном из трех мест: в больнице (на которую я надеялся), на небесах (против чего я не возражал ни в малейшей степени) или в аду (что, как я искренне надеялся, было невозможным).

Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что медленно вращаюсь на качелях на детской площадке, наблюдая, как горстка рыжих детей бегают вокруг другой карусели. И теперь у меня отсутствуют четыре передних зуба.

Я израсходовал немного своего хладнокровия, когда узнал в одном из детей Узумаки Кушину из манги, Наруто, которую я читал в старшей школе. У меня оставалось около двадцати процентов моего хладнокровия, когда дети начали кричать от ужаса, а мои качели перестали вращаться, когда я повернулся в противоположном направлении: деревня, в которой мы были, очевидно была атакована пятнами и тяжелым туманом, окутывающим все вокруг. Я знал, что происходит. Я не запомнил всю историю, но ключевые моменты выделялись для меня, и меня всегда особенно интересовало время, до начала этой истории.

К нам подбежал взрослый, схватив ребенка и попытавшись убежать, но был зарезан вместе с маленьким мальчиком.

Я был очень счастлив, что то, что было «правильным» и «легким», в тот момент совпало. Это было не то, с чем я мог бороться, и эти дети не заслуживали того, чтобы их убивали, и нападающие шиноби не заслуживали того, чтобы на их совести было убийство сирот. Я развернулся и бросился к группе детей быстрее, чем когда-либо прежде, схватил первые две руки, которых я достиг, и дернул испуганных детей к диким деревьям, покрытыми шрамами и корявыми от морской воды. В это время Кушина и еще один мальчик тащили за собой другого ребенка. Ещё двое ребят побежали за нами, а остальные побежали в сторону деревни, зная воспитателей приюта. Я провел группу через лес к докам, где кто-то оставил лодки, раскрашенные тюленями. Не знаю, откуда я знал, что они там есть, просто знал.

Я затолкал двух своих детей в лодку, за ними Кушина и маленькая девочка, которую она схватила. Последние четверо прыгнули в лодку сами по себе, а я отвязал веревки от дока, как умеет любой хороший мальчик-разведчик из портового города, бросил их в лодку, а затем оттолкнул от причала. Когда она оказалась достаточно далеко, я с разбега спрыгнул с пристани, как только шиноби Кири появился в ряду деревьев. Он побежал вперед и чуть не задел мой ботинок, но я добрался до лодки, хотя и с трудом, мои колени болезненно хрустнули о борт, и я был уверен, что сломал запястье бедняжки, на которую приземлился. Лодка накренилась примерно на пятнадцать ярдов дальше в пролив, всего в двадцати ярдах от палубы.

Шиноби усмехнулся и спрыгнул на воду, чтобы последовать за нами, бросив в лодку связку кунаев. Кушина вскочила на край и закричала: - Я Узумаки Кушина, и ты оставишь нас в покое! - Она подняла руки в знаке знакомого креста, в то время как внутреннее пение "убери свои тощие, костлявые колени с моего позвоночника" началось в моей голове. Поднялся туман, и вода сердито закружилась вокруг лодки, разрушив опору шиноби и утащив его под воду, где он был разбит о док, его шея, очевидно, была сломана. Кушина рухнула, и я с трудом

перекатился к ней, поэтому она упала в лодку, а не за борт. Все замолчали, даже бедная девочка, которой я сломал руку.

Я, например, очень гордился собой за то, что спас восемь детей, всем до шести лет, от резни в Узусиогакуре, когда раньше выжила только Кушина. Пока я не увидел состояние, в котором мы были.

(-_-)

Я знаю, что никогда не смогу стать настоящим героем, и я никогда не буду претендовать на этот титул. Я был слишком эгоистичным. Если бы я не чувствовал, что в будущем у меня будет преимущество, я бы просто сбежал. Теперь, поскольку не было никакой активной угрозы, я мог потратить минуту или около того, оплакивая тот факт, что у меня были рыжие волосы, что было немного длинновато для любого уважающего себя мальчика, и в настоящее время мне исполнилось семь, что какая-то мелочь в моей руководитель гордо сообщил мне. Пубертатное созревание в первый раз было плохим, с прыщами и небольшим фанатизмом к рассказам о видеоиграх, подобных «крутым» детям. Сюжетный фанатизм никогда не угасал. Я не был хорош в спорте, не был слишком умным или трудолюбивым, поэтому никогда не выделялся, за исключением тех случаев, когда меня выбирали менее общительным из-за грубых шуток. Не то чтобы я уделял достаточно внимания другим детям.

Несмотря на это, судя по тому, как на меня смотрели шестеро детей, едва достигших школьного возраста (Кушина отсутствовала на счету, а девочка со сломанной рукой сгорбилась от боли и изо всех сил старалась не шуметь), мне пришлось взять на себя инициативу. Мой взрослый мыслительный процесс немедленно разбил ситуацию на более мелкие, выполнимые задачи. Вся группа была каким-то образом ранена, многие травмы могли стать намного более серьезными, если их не обработать прямо сейчас, поэтому я взялся за это первым, осторожно, чтобы не слышать голоса.

- Все сидят спиной к краю лодки, но по одному и идут туда, куда я вам скажу. - Без передних зубов было трудно говорить, но я справился. Лодка была размером с большое каноэ, и я был чрезвычайно благодарен за то, что сироты, как правило, были низкорослыми, поэтому у нас едва хватало места, чтобы двигаться, не опрокидывая лодку. Я приказал трем детям прижаться спиной к каждой стороне лодки и затащил потерявшую сознание Кушину в одно из мест, в то же время поручив самому сильному и старшему на вид мальчику помочь мне с девочкой со сломанной рукой. Выбранный мной мальчик был также единственным старшим ребенком, не пострадавшим от брошенного куна. Меня немного тошнило, потому что кровь на дне каноэ была не просто пятнами. У меня было мало времени.

Я схватил один из кунаев, врезанных в дерево, вытащил ленту из волос маленькой девочки, разрезал ее пополам и привязал кунай к сломанной руке в качестве импровизированного бандажа, затем сказал девушке прижать руку к груди. Быстро заменив ее другим мальчиком, у которого кунай прошел через плечо и попал в ребро. Мальчику поручили помочь мне, и второй доброволец удерживал хныкающего ребенка, пока я выдергивал лезвие. Они давили на раны, пока я снимал рубашку и разрезал ее на полоски, глотая желчь, когда меня заставляли играть врача скорой помощи, все время жуя язык в пустом пространстве перед ртом. Я знал основы оказания первой помощи; Я ненадолго проработал спасателем в средней школе, но эти

занятия совершенно не подготовили меня к уходу за восемью рыжеволосыми детьми, застрявшими на воде, которая, как я был уверен, содержала смертоносные водовороты, которые потрясли бы нас до смерти. Потребовалось еще две рубашки-добровольцы, прежде чем раны были достаточно хорошо перевязаны, чтобы остановить кровотечение. Затем я встал у руля, что показалось мне довольно странным для такой маленькой лодки, и держал нас в направлении к материку, ища любую помощь, в то время как остальные прижались к борту лодки.

Почему-то мне не нужно было много говорить. Потребовалось всего несколько движений, может быть, пару слов, чтобы направить напуганных детей. Атака началась утром, и к тому времени, когда все было улажено, было уже далеко за полдень. Я боялся холода, который будет сопровождать нас ночным ветром, который вполне может нас убить. День не был особенно холодным, с ясным небом и солнцем, но ночь могла быть опасной.

<http://tl.rulate.ru/book/52801/1340501>